У ЭКРАНА ТЕЛЕВИЗОРА

Как мы уже сообщали, Азербайджанское государственное телевидение подготовило передачи под названием «Кровавый январь, 1990», посвященные трагическим январским событиям 1990 года. Предлагаем вниманию читателей текст второй передачи, вышедшей в эфир 19 января.

КРОВАВЫЙ ЯНВАРЬ, 1990

Ведущий: Азербайджан вступил в новый год, в январь 1990 года, в крайне тяжелых и сложных политических условиях. Начавшееся в 1988 году народное движение не утихало. Напротив, беспомощность тогдашнего руководства Азербайджана перед растущим нахальством армянских сепаратистов в Нагорном Карабахе, его противоречащая интересам собственного народа позиция, а также то, что официальная Москва на словах говорила одно, а делала совсем другое, еще больше усилили волну начавшихся в Баку митингов.

9 января Верховный Совет Армении включил в свой годовой план план социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области, что являлось открытым вмешательством соседней республики в территориальную целостность суверенитет Азербайджана. Видя, что Центр не дает никакой правовой, политической оценки этому циничному поступку Армении, что власть Везирова, Муталибова предательски молчит, азербайджанский народ вышел на улицы, площади, отстаивая свое право. Для того, чтобы задушить расширяющееся с каждым днем народное движение в Азербайджане, Кремль готовил все новые и новые коварные планы. А московский эмиссар Примаков заявлял, что танки в Баку не войдут.

А в Баку, можно сказать, царило двоевластие. Между руководителями власти и Народного фронта шла борьба за высший пост в республике. Это, в свою очередь, создавало благоприятные условия для реализации Центром своих провокационных планов. И в первые дни января имперские силы стали размещать в Баку сотрудников специальных ведомств для деструктивной деятельности. Все говорило о приближающейся опасности. Если народ, простые люди и не знали, то горе-руководителям республики и Народного фронта было хорошо известно, что сгущающиеся с каждым днем над Баку черные тучи рано или поздно приведут к кровопролитию, трагедии. Однако им не выгодно было предотвращать ожидавшуюся в скором времени на улицах Баку беспощадную расправу. Потому, что эти силы, рвавшиеся к власти, воспринимали народ лишь как средство достижения власти.

13 января в соответствии с планом проимперских сил, с согласия Везирова и Народного фронта, был создан Совет национальной обороны. В тот же день проинструктированные из Москвы сотрудники специальных ведомств организовали в Баку армянские погромы. Тем самым враг получил основание для ликвидации народного движения. Находившиеся в это время в Баку части внутренних войск СССР не предотвратили этих провокаций, заняли наблюдательную позицию. Уже один этот факт доказывает то, что план провокаций готовился в Центре.

Фируз Гашимов (журналист-историк): Когда 13-го числа во время митинга на площади было объявлено о создании Совета национальной обороны, я просмотрел список этих людей. Они не были обучены военному делу даже на уровне ефрейтора. Кого и что должны были защищать эти люди? Какими силами? Может быть, Азербайджан располагал корпусами? Может быть, весь народ был вооружен до зубов? В городе находилось достаточно много войск. И в дальнейшем, до 13-го числа, сюда были передислоцированы войска помимо Бакинского гарнизона. Такое количество вооруженных сил в Баку являлось фактом, об этом знали и лидеры Народного фронта, и власти. О какой национальной обороне могла идти речь при таком количестве войск и техники в городе? Цель была одна — пустить пыль в глаза, снять с себя ответственность за все ожидающиеся трагедии, застраховать себя. Когда произошла трагедия, выяснилось, что, действительно, обе силы действовали по одному сценарию. Пожалуйста, известно, кто и до которого часа находился в ту трагическую ночь в штабе Народного фронта Азербайджана. Из числа этих людей лишь Сабиту Багирову удалось разогнать пикет на Сабунчинском круге. Впоследствии они скажут, что в городе царил хаос, и им не удалось разогнать людей, а это абсолютная ложь. Хаоса в городе не было.

Хаос был для людей, которые не ждали пуль, не ждали стрельбы от советской армии. Хаос был для людей, не знающих дела. Хаос был для народа, потрясенного чудовищной расправой. А для них хаоса не было. Потому, что события управлялись, как часовой механизм. Все они бежали и скрылись. С каким моральным правом они говорят сегодня о народном движении?

Ведущий: 15 января 1990 года по инициативе первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана Везирова состоялось заседание Президиума Верховного Совета республики. На заседании было принято решение о введении чрезвычайного положения в Нагорном Карабахе и прилегающих к нему пограничных районах. Эти, осуществленные по желанию Везирова, политические авантюры, противоречащие воле народа, были восприняты в Азербайджане с презрением. Народ не мог смириться с этой враждебной политикой центральной и местной власти.

Намиг Мамедов (магистр БГУ): Выступая на состоявшемся 14 января 1990 года заседании Центрального Комитета, Везиров обсуждал вопрос о введении военного положения в Нагорном Карабахе и на прилегающих к нему территориях. А 15 января, не располагая никакими полномочиями, — это полномочие, то есть объявление чрезвычайного положения, принадлежало непосредственно Верховному Совету, — вынес не имеющее никакого правового основания решение о введении чрезвычайного положения в Нагорном Карабахе и на прилегающих к нему территориях. В тот период Эльмира Гафарова находилась к Москве, однако Везиров, проигнорировав это, вынес такое решение.

А 19 января Президиум Верховного Совета СССР вынес решение о введении чрезвычайного положения в городе Баку. Следует отметить, что еще с 3 по 6 января в Азербайджан для изучения обстановки приезжали Баранников, Бабков и другие, что также свидетельствует о том, что введение чрезвычайного положения исходило от Центра. Тайно приехавший в Баку Язов также встретился с ними в Гяндже, провел обсуждения с руководством Азербайджана, после чего была подготовлена операция «Ураган». Ее результатом стала трагедия 20 января.

Ведущий: 19 января Везиров приходит в штаб 4-ой армии и согласовывает с Москвой время совершения кровопролития. В тот же день, в 19.25, на основе спланированной Комитетом государственной безопасности провокации сотрудники группы «Альфа» взорвали энергоблок на телевидении. И после этого связь Азербайджана со всем миром как бы прервалась. По существу, это было началом кровавой январской ночи. А так называемое радикальное крыло Народного фронта вновь обманывает людей, вышедших на улицы, говоря им — «вам доставят оружие, стойте крепко». Эти их лживые обещания преследовали только лишь одну цель: обречь народ на расправу над ним. Эти люди, часто встречающиеся с Поляничко и осведомленные обо всех планах власти, могли предупредить сотни наших достойных, собравшихся на улицах и площадях соотечественников о надвигающейся трагедии. Однако они не сделали этого.

Ибрагим Гусейнов (начальник смены энергоблока телевидения): Я разговаривал по телефону примерно около семи часов вечера, меня спросили, какой фильм будет демонстрироваться в передаче «Ретро». В это самое время я увидел, что один солдат побежал в одну, а второй — в другую сторону, и в руках у них были короткоствольные автоматы. Затем они вошли в цех, где я находился. На голове у них были железные каски, и они были одеты в необычную военную форму. На них была форма десантников, а под ней виднелась спортивная форма. У одного был автомат, а у другого — две сумки. Они не отходили друг от друга. Один из них спросил, откуда поступает напряжение. Они интересовались всем. Один сказал, что, мол, тебя зовет ваш комендант. Я сказал: Не знаю коменданта, так как прибывшие сюда последние солдаты не приходили в наш цех. Пришли другие солдаты, и мы подошли к ним. Нам сказали, что мы должны следовать за ними. Я спросил, куда ведут меня и Романова? Мне ответили, что, мол, не бойтесь, с вами ничего не будет. Нас повели в комнату, где репетируют артисты. И там тоже были солдаты. Вдруг мы почувствовали сильную тряску и услышали взрыв. Я сказал Виктору: взорвали блок.

Ведущий: Для того, чтобы подавить голос народа, в ночь с 19 на 20 января 1990 года без всякого предупреждения в Баку были введены части советских войск. Указом Горбачева в Баку было введено чрезвычайное положение якобы для того, чтобы защитить безопасность жителей, предотвратить массовые волнения, беспорядки. Но народ не знал этого, и только руководство республики было осведомлено об этом предательском решении. Только утром 20 января, после того, как на улицах Баку пролилась кровь и погибли сотни безвинных людей, комендант Баку генерал-лейтенант Дубиняк объявил о введении чрезвычайного положения. Указ власти Везирова — Муталибова от 15 января стал основанием для кровавого января, учиненного в Баку.

Мухаммед Меджидов (студент БГУ): И население не знало, не ожидало, что армия-спасительница учинит расправу над людьми. Хочу также особо отметить, что в тот период комендантский час был введен не только в Баку, но и в Лянкяранском и Нефтчалинском районах. Однако, как в Нефтчалу, так и в Лянкяран были введены войска, в результате чего 8 человек были убиты, четверо — ранены, двое арестованы, а затем убиты. В результате прямого предательства Везирова и Муталибова Москве удалось осуществить свои запланированные игры.

Эмиль Алиев (магистр БГУ): Особую роль в событиях 20 января сыграл и армянский фактор. Так, в учиненной 20 января расправе виден след преступлений, совершаемых армянами на протяжении истории. Существуют факты, свидетельствующие о том, что в ночь с 19 на 20 января армяне, находившиеся в составе советских войск, врывались в дома и совершали убийства. Аналогичные методы использовались в преступлениях, геноцидах, совершенных в 1915 году в Османской империи, в 1918 году — в Северном и Южном Азербайджане.

Вообще хотелось бы поговорить о том, в каких исторических и политических условиях произошла трагедия 20 января. Прежде всего хочу отметить, что созданная в конце XIX века партия Дашнакцутюн, начиная с 70—80-х годов XX столетия, установила тесные связи с КГБ.

Было бы уместно отметить вину руководства Азербайджана в учинении этой расправы. В то время мы были детьми, но слышали разговоры старших. Одновременно были вынесены 130 тел, но никто из азербайджанского руководства не участвовал в церемонии похорон. Абдуррахман Везиров, Аяз Муталибов, Вагиф Гусейнов бежали в Москву, пытаясь оттуда осуществлять свои грязные намерения. 20 января явилось по сути одним из геноцидов, учиненных против азербайджанского народа. Эти люди должны ответить перед судом, который будет проведен с непосредственным участием азербайджанского народа, и, естественно, понести заслуженное наказание.

Ведущий: Да, 20 января стремление Азербайджана к свободе было расстреляно, брошено под танки, однако свернуть народ, познавший вкус независимости, с избранного им пути не представлялось возможным. Кровь, пролитая на улицах Баку, тоже не послужила для руководства Азербайджана уроком. В то время, как после произошедших в апреле 1989 года в Тбилиси кровавых событий все государственные руководители Грузии подали в отставку, высокопоставленные представители Азербайджана избрали иной путь. Везиров бежал, а Муталибов срочно отправился в Москву для того, чтобы занять пост первого секретаря. Учиненная против Азербайджана эта кровавая трагедия явилась исторической возможностью для Аяза Муталибова. В то время, как азербайджанский народ плакал горькими слезами, Муталибов без всякого стеснения рвался к власти. В тот момент, когда разрушенные, разграбленные дома, улицы и площади Баку, где 20 января погибли 132 человека и свыше 700 ранено, были обагрены кровью, Муталибов, Гасанов, Поляничко и Муслим Мамедов, отправившись к преступнику Горбачеву, умоляли его передать им пост пропавшего без вести жалкого Абдуррахмана Везирова.

А это было предательством, не сочетающимся ни с какой человечностью, нравственностью, моралью. Народ утопал в крови, а эти люди вели борьбу за власть.

В эти тяжелые дни никто не слышал голоса Азербайджана, оказавшегося в информационной блокаде. В такое скорбное и трагическое время человеком, который откликнулся на призыв своего народа, вновь стал преданный, испытанный сын Азербайджана, его безоговорочный национальный лидер Гейдар Алиев. Несмотря на давление, придя в представительство Азербайджана в Москве, Гейдар Алиев, поставив тем самым свою жизнь под угрозу, провел пресс-конференцию и сообщил мировой общественности об учиненной в Баку кровавой трагедии, раскрыл истинное лицо враждебной политики империи, в трудный для его народа час был рядом с ним. Таким образом, в тяжелые дни исторического испытания еще раз нашла свое подтверждение его сыновняя любовь к родной земле, своему народу.

Мамед Ализаде (председатель партии «Демократик Азербайджан дуньясы»): Гейдар Алиев, являющийся, как в тот период, так и сегодня, и вчера великой личностью планеты, подтвердивший на пройденном им жизненном пути свою цельность, пришел в представительство Азербайджана в Москве и дал политическую оценку событиям 20 января, что зажгло свет надежды народа. Если обратиться к нашим источникам, то можно увидеть, что святость и мерсто поклонения имеют одно значение. Если человек стремится к вершине во имя Родины, нации, своей земли, то это воспринимается, как святость. Сегодня мы воздвигли большой памятник, который 50 миллионов азербайджанцев мира считают священным. Этот памятник соединил в себе, с одной стороны, трагедию, с другой — стал героическим эпосом.

Джумшуд Гасанов (подполковник полиции): В то время я служил в Москве. Наш отдел назывался отделом охраны. Мы организовывали охрану дипломатов и высокопоставленных лиц. В то время за процессом избавления нашей нации от оков империи в связи с январскими событиями с волнением следили и живущие в Москве азербайджанцы. Неоднократно собираясь перед нашим постоянным представительством в Москве, мы совещались по этому вопросу и по возможности пытались помочь нашей нации. В это время у меня произошла очень важная встреча. В ведомстве, где я работал, мне был поручен отдел посольств. Уважаемый Гейдар Алиев в то время жил на улице Алексея Толстого. На этой улице находилось несколько объектов, которые я обслуживал. Дом, в котором жил Гейдар Алиев, был расположен напротив посольства Йемена. Мы из печати узнавали о давлениях, оказываемых на нас в связи с январскими событиями, о пропаганде, которая велась против Гейдара Алиева. В то время мы услышали, что Гейдар Алиев заболел, и это очень огорчило нас. Мы не находили себе места. 21 января, когда я проверял объекты, Гейдар Алиев стоял перед зданием, в котором жил, его ждала машина. На работе нас предупредили, чтобы не подходили к Гейдару Алиеву. Когда я поинтересовался, в чем дело, мой начальник Степан Корнеевич Бондарчук ответил, мол, сейчас не те времена, поступай так, как велят. Такое положение не позволяло мне подойти к Гейдару Алиеву, но патриотические чувства взяли верх, я подошел к нему и поздоровался. Он тоже поздоровался со мной, и мы обменялись мнениями о январских событиях. Гейдар Алиев сказал мне, что собирается ехать в постоянное представительство для того, чтобы высказать свое мнение. Он в полном смысле слова был взволнован и с большой скорбью говорил о январских событиях. От воздействия распространяемых о нем в печати всевозможных домыслов не было и следа. Почему? Потому что наш уважаемый Президент — великий представитель мировой дипломатии. Мне было очень трудно видеть волнение великого дипломата. Я увидел в нем настоящего отца нации. После нашей беседы Гейдар Алиев направился на черной «Чайке» на улицу Станиславского, чтобы выразить соболезнование нашей нации.

Сразу после этого Степан Бондарчук вызвал меня в свой кабинет и сказал, что запрещает мне отныне подходить к Гейдару Алиеву.

Ведущий: Когда мы вспоминаем дни, прошедшие после кровавого 20 января, ощущаем и чувство сожаления. Четыре года события 20 января не получали правовой и политической оценки. Ни Аяз Муталибов, пришедший к власти ценой крови шехидов 20 января, ни власть НФА — «Мусават» не дали правильной оценки этой чудовищной акции. И вновь именно Гейдар Алиев смело выступил с требованием детально расследовать эту историческую трагедию нашего народа и дать ей политическую оценку. На состоявшейся 29 августа 1991 года сессии Верховного Совета Азербайджанской Республики Гейдар Алиев с присущей ему решимостью поставил этот вопрос на повестку дня и разоблачил власть Муталибова — Везирова. Это еще раз доказывает, что он всегда переживал за судьбу своего народа. Лицемерное и непристойное поведение в угоду Муталибову многих находившихся в зале открыто свидетельствовало о позиции, которую тогдашние представители власти занимали в отношении кровавых январских событий.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НАРОДНОГО ДЕПУТАТА ГЕЙДАРА АЛИЕВА НА СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ОТ 29 АВГУСТА 1991 ГОДА

«...Аяз Муталибов сказал, что чрезвычайное положение не нужно, его необходимо отменить. Прекрасно. Но кто же сохранял его в Баку на протяжении полутора лет? Чьим решением не было исполнено постановление, принятое 22 января 1990 года Верховным Советом Азербайджанской Республики? Необходимо подсчитать, какие расходы республика понесла для сохранения чрезвычайного положения в Баку в течение этих полутора лет и какой ущерб причинен республике.

Второе. Ходят всевозможные разговоры о позиции руководства Азербайджанской Республики в отношении государственного переворота. Зарубежные и союзные информационные органы распространили сообщения об этом. Необходимо прояснить данный вопрос. Нам не известно, кто о чем говорил за рубежом. Известно только, что 21 августа по Азербайджанскому телевидению было зачитано обращение Аяза Муталибова к народу. Обращение было зачитано как на азербайджанском, так и на русском языках. В обращении одобрена деятельность комитета по чрезвычайному положению и выражена надежда на решение некоторых вопросов Азербайджанской Республики через деятельность государственного комитета по чрезвычайному положению. В том числе с деятельностью комитета по чрезвычайному положению увязано решение нагорно-карабахского вопроса и вопроса разоружения вооруженных армянских бандитских группировок.

Об этом следует говорить открыто. Возможно, такие ошибки допущены. Но народ должен знать правду.

Для того, чтобы создать единство в народе, Коммунистическая партия Азербайджана безотлагательно должна оставить власть. Это — составная часть Коммунистической партии Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза распалась. Сохранение коммунистической партии Азербайджана и решение на съезде вопроса о ее роспуске свидетельствует о намерении сохранить Коммунистическую партию у власти, использовать ее возможности. С этим никак нельзя мириться. Необходимо ликвидировать все структуры Коммунистической партии Азербайджана и национализировать ее имущество. Надо приостановить работу Коммунистической партии Азербайджана, ее органов печати, выяснить, сотрудничает ли Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана с военной хунтой. Для этого парламент должен создать комиссию. Как известно, в течение 3 дней, в период, когда господствовал комитет по чрезвычайному положению, органы печати Коммунистической партии Азербайджана публиковали на азербайджанском и русском языках документы этого комитета. Азербайджанское телевидение переводило на азербайджанский язык и доводило до народа все документы данного комитета. Одно только это полностью свидетельствует о сотрудничестве.

Должностным лицам, действующим с позиции коммунистической партии, следует отказаться от своих обязанностей.

После трагедии 20 января прошло больше полутора лет. Сегодня в этом зале идут всевозможные разговоры. Группа депутатов придерживается одного мнения, выступавший до меня депутат Рагимов — другого. Хочу спросить у председателя Верховного Совета Эльмиры Гафаровой, Президента Азербайджана Аяза Муталибова: Почему до сих пор это событие не получило политической оценки? Не могу согласиться с разъяснением, представленным Тамерланом Гараевым. Потому, что этот вопрос имеет как политическую, так и правовую сторону. Можно было безотлагательно дать этому событию политическую оценку. Что же касается правовой стороны — привлечения отдельных людей к ответственности, то это, несомненно, должно быть расследовано следственной группой. Необходимо дать этому политическую оценку.

Эльмира Гафарова (председатель Верховного Совета): Оценка дана.

Гейдар Алиев: Не дана!

Эльмира Гафарова: Дана. На сессии, 22-го числа.

Гейдар Алиев: Но если дана, то кто же является виновником этой военной агрессии? Сегодня говорят о Язове, Крючкове, Бакатине. Да, это так. Но мы должны внести в этот список и Горбачева, и Гиренко, и Примакова. Кроме того... Кто же виноват из представителей руководства Азербайджана? Да, эти люди тоже известны. Везиров, Гафарова, Муталибов и другие члены бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана. Если виноваты и другие люди, то это необходимо выяснить. До выяснения всего этого, если виноваты и другие силы — демократические силы; Народный фронт — то необходимо дать политическую оценку и им. Пока все это неясно, достичь политической стабильности в Азербайджане невозможно. Если этому дана политическая оценка, то почему, когда Горбачев на встрече с руководителями 9 республик получал согласие для назначения 3 министров, Аяз Муталибов не возразил против назначения Бакатина председателем Комитета государственной безопасности? Если возразил, то пусть скажет. В своем выступлении он не сказал об этом. Почему Везиров, являющийся одним из основных виновников трагедии 20 января, избран в комиссию по подготовке съезда народных депутатов от Азербайджанской Республики? Кто его представил? Если это дело рук руководителей Азербайджанской Республики, то они совершили грех перед азербайджанским народом. Хочу заявить об этом совершенно открыто. Я разделяю мнение выступавших депутатов о том, что без выяснения всех этих вопросов проводить в Азербайджане президентские выборы нельзя. Подавляющее большинство депутатов Верховного Совета Азербайджанской Республики является коммунистами, все люди, работающие в руководящих органах Коммунистической партии, избраны депутатами парламента, а Коммунистическая партия Азербайджана виновата во многом, поэтому я считаю, что необходимо распустить парламент Азербайджанской Республики и вновь провести выборы. Выступая с такими резкими заявлениями, я ничуть не сомневаюсь, что после моего выступления специально подготовленные люди выйдут сюда и будут говорить против меня. Я привык к таким словам. Поэтому совсем не беспокоюсь. Специально подготовленные выступления не могут поколебать мою волю. Сегодня я выступаю здесь, полностью отвечая перед своей совестью.

Ведущий: В ту ночь бакинское метро, как и весь народ, что называется, встретило утро на ногах. Старики, женщины, дети, которым удалось спастись от града пуль на улицах и площадях, направлялись к станциям метро. В ту ночь словно и поезда, чувствуя эту трагедию, эту беспощадную расправу, этот скорбный день народа, разделяли его горе. Поезда, мчавшиеся от станции к станции, никогда не были для людей, возможно, такими родными. В такой тревоге поезда пережили ночь с 19 на 20 января. Когда мы вспоминаем ту ночь, ставшую историей, память наша ноет от боли, старые раны напоминают о себе.

Таги Ахмедов (начальник управления Бакинского метрополитена): Мы узнали о том, что перестрелка у станции метро «Мешади Азизбеков» продолжается. Мы, конечно, подумали, что это, наверное, холостые патроны, солдаты стреляют ими, чтобы напугать людей. Затем из Баладжар и Сальянских казарм стали поступать сообщения о том, что есть убитые, солдаты никого не щадят, давят танками всех подряд или расстреливают. Поэтому необходимо было принять меры. То есть, метро должно было работать до утра.

Уверяю вас, если бы метро в тот день не работало до утра, то число погибших и раненых могло быть по меньшей мере раза в 2—3 больше. По словам свидетелей, все они были горожане, знали метро, они находили убежище в переходах метро. В это время некоторые машинисты пережили нервный стресс, были очень взволнованы. Поэтому мы вынуждены были вызвать на работу отработавших свою смену машинистов, с тем, чтобы задействовать дополнительную группу машинистов. Группа машинистов нужна была для того, чтобы сменять друг друга. Для того, чтобы никого не обрекать на гибель, звонили только машинистам, живущим поблизости от станций. В том числе недалеко от станции метро «Нефтчиляр» находится жилое здание метрополитена, большинство машинистов было вызвано оттуда.

Хочу сообщить, что в метрополитене только в ночной смене работает около 2 тысяч человек. То есть, как в службе движения, дорожной службе, так и в службе туннельных сооружений, в целом, в ночной смене во всех службах работает около 2 тысяч человек. Все они в тот день были привлечены только к перевозке раненых. Самое большое преимущество станции метро «20 Января» заключалось в том, что мы могли доставлять большинство раненых в больницу через переход, выходящий к Республиканской больнице, между деревьями. Раненые вблизи других станций также прямо на метро доставлялись в Республиканскую больницу.

Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что это была дорога, ведущая к свободе. К большому сожалению, у людей, руководивших в то время республикой, не хватило смелости дать политическую оценку кровавым январским событиям. Мало того, в 1990 году Аяз Муталибов, перешагнув через кровь шехидов, стал президентом. После этого к власти пришел Народный фронт. Никто из них не дал политической оценки этой кровавой трагедии. И лишь наш уважаемый Президент Гейдар Алиев, возвратившись к власти, в 1994 году дал политическую оценку январским событиям.

Ведущий: В ту ночь самые кровавые события в Баку происходили на площади «20 Января». На одной только этой площади больше сорока человек стали шехидами. Случайно ли, а может, потому, что история, время всегда опираются на правду, на этой площади, именуемой до трагедии 20 января «11-й Красной Армией», во всей наготе проявился подлинный бесчеловечный и кровожадный облик преемников красной армии. С того дня эта площадь и станция метро под ней в память о людях, ставших здесь шехидами, была переименована в «20 Января».

В ту ночь солдаты кровожадной империи не щадили никого — ни стариков, ни женщин, ни детей. Они считали врагом каждого встречного. Открывая огонь по перевозившим раненых машинам скорой медицинской помощи, автобусам, автомобилям, они прибегали к злодеяниям, которых не допускали даже фашисты на войне. Эти убийцы, жаждавшие человеческой крови, стреляли не только по машинам скорой медицинской помощи, спешившим на помощь раненым, но даже по деревьям, по зданиям. Под покровом ночи эти палачи для того, чтобы скрыть совершенные ими кровавые преступления, пытались уничтожить все, что попадалось на глаза.

В числе шехидов того кровавого январского дня оказались Эльчин Бахшалиев, Махир Мустафаев, Мамед Мамедов и Рустам Алиев. Все они были водителями Департамента транспорта города Баку. Сегодня среди этих сынов Родины, воплотившихся в памятник во дворе департамента, есть еще один шехид — школьница Лариса Мамедова. В ту ночь, когда Лариса вместе с отцом, работавшим водителем маршрутного автобуса а39, возвращалась домой, ее и расстреляли солдаты безжалостной империи. Поэтому коллектив департамента не стал отделять Ларису от водителей-шехидов, и всем им воздвигнут один памятник. Коллектив чтит светлую память своих друзей-шехидов. Зимой и летом, осенью и весной у подножия памятника всегда лежат свежие гвоздики.

Шахвелед Алиев (отец шехида Рустама Алиева): В ночь с 19 на 20 января Рустам находился на работе. Он работал на 122 маршруте. Приехал домой на обед. Торопил нас, мол, давайте, побыстрее. Когда он, пообедав, выходил из дома, я остановил его и спросил: Может быть, не пойдешь. Он вынул из кармана и показал путевое удостоверение, мол, отец, я на работе, администрация поручила ни при каких обстоятельствах не оставлять людей без маршрута. Сказал и ушел.

Мы ждали, но в ту ночь он не вернулся. А в 6 часов утра к нам домой позвонили. Я поднял трубку и услышал, как незнакомый мне человек по имени Яшар сказал: Ваш сын ранен, он находится в больнице скорой помощи. Мы поехали туда. После долгих поисков нашли Рустама. Над его головой стояла женщина в белом халате. Она спросила: Кто вы такие? Я ответил: Отец. Женщина вынула из кармана пулю, показала мне и сказала: Ваш сын потерял 80 процентов крови, положение его тяжелое. В тот день всем раненым переливали кровь. Рустаму тоже перелили, придя в себя, он открыл глаза и всех нас узнал. Я вернулся домой, с ним остались мать и брат.

Рано утром 21 января я поехал туда и увидел, что Рустам открыл глаза и беседует с матерью. Я спросил: Как ты себя чувствуешь, сынок? Он ответил: Извини, отец, я не послушал тебя и пошел. Я сказал: Ничего, все хорошо, слава богу, ты разговариваешь. Он рассказал, что дважды перевозил раненых. На автобусной остановке с задней стенкой из бетонной плиты было много людей, боясь обстрела, они прижимались к стене. Когда я в третий раз увозил их оттуда, пуля настигла и меня. Однако я завел машину и, истекая кровью, довез раненых до гостиницы «Нахчыван». По словам свидетелей, Рустам потерял сознание, проехав примерно километр. После этого находившиеся в автобусе ребята доставили его в больницу.

Вагиф Мустафаев (отец шехида Махира Мустафаева): Мы с сыном работали на автобусе. Ночью 19 января всех в Баку звали на помощь. В то время мы с сыном направились к станции метро «Нариманов». Там сказали, что все водители должны помочь перевозить раненых на грузовых машинах. Мой сын, сев за руль одной из грузовых машин, вместе со своим товарищем Алибалой поехали перевозить раненых. В первый раз они доставили в больницу 7 раненых. Об этом сообщили сами раненые и врач больницы. Во второй раз доставили 11 раненых. В третий раз он высадил Алибалу, потому что у того была семья, и взял с собой Рамазана Керимова. Все втроем они учились в одной школе. Недалеко от моста, близ военного госпиталя, они встретили десантников. Прибывшие из Ставрополя десантники открыли по ним огонь. Махир, находясь за рулем, получил пулю в сердце. А Рамазана ранили в ногу. Рамазан прожил всего неделю. Он и рассказал обо всем этом. Махир же стал шехидом на хирургическом столе.

Фархад Мамедов (начальник управления): День 20 января 1990 года никогда не сотрется из памяти азербайджанского народа. Потому что подручные русской империи во главе с Горбачевым, Примаковым, Язовым, Бакатиным в Азербайджане Везиров, Муталибов и маскирующиеся сегодня под оппозицию некоторые элементы не воспринимают развития Азербайджана. Совместными усилиями они нанесли азербайджанскому народу неизлечимую рану.

Возможно, построив в запланированной форме баррикады в различных местах, прикостры и под различными предлогами — мол, сейчас подвезут оружие, не знаю, нам поможет армия, — заставляя людей оставаться на местах этими лживыми обещаниями, они и стали виновниками расправы над людьми. Вообще, Везиров, Муталибов и элементы виноваты в той же степени, в какой и русская империя.

Ведущий: Ровно пять дней и пять ночей им не удалось заглушить гудки кораблей. Нет, это был не гудок. Это был стон, протест, ненависть нашего народа против несправедливости, насилия, кровавого преступления красной империи. Это было негаснущее пламя нашей гордости, нашего стремления к свободе.

Агакиши Муталимов (капитан корабля): Во время событий 20 января я находился в море. Я повез рабочую смену на буровые. На обратной дороге в час ночи я проходил мимо острова Жилой, мне сообщили, что русская армия вошла в Баку и правляется с людьми. После этого мы получили по рации несколько звонков, чтобы узнать, какое это судно, но нам не ответили. К утру мы подошли к причалам. Нам приказали, чтобы рабочих было 70 человек — выходили в группы по два—три человека. Если они выйдут, с ними, их задержат. Мы проинструктировали людей, проводили их и решили собрать их у морского вокзала. Для этого необходимо было получить место у портового причала. Затем я позвонил для того, чтобы получить место. Я сказал: Предоставьте мне место, вечером я повезу рабочих на Нефтяные Камни. Место предоставили. В порту собралось около 100 судов управления «Каспморнефтефлот».

Наша цель заключалась в том, чтобы отрезать путь военному флоту и не пропустить оттуда суда. Нам сообщили, что они вывезут тела на военных судах в море, а выбросят там. Поэтому мы преградили путь военно-морскому флоту. Затем нашим штабом стало судно «Сабит Оруджев». Здесь мы провели заседание, избрали 7 капитанов-аксакалов для встречи с командованием военного флота. 21 января мы потребовали военный катер, по-другому нам не разрешали. Катер забрал нас, и мы, семь человек, отправились в штаб военно-морского флота. Там справа и слева на расстоянии 100—200 метров стояли военные суда. Русские солдаты направили на нас свои автоматы. Увидев это, мы растерялись. Находившийся рядом со мной капитан Музаффар Алиев сказал: Если кто-то из нас откроет огонь, то мы будем уничтожены. Мы отправились на верфь. Мы увидели, что контрадмиралы, адмиралы, военные ждали нас в машинах. На нас была рабочая одежда. Нас посадили в машины и повезли в штаб. В штабе мы увидели, что здесь находится и Сидоров. Он был первым заместителем министра обороны СССР по военно-морским силам. Мы предъявили им свои требований. В нем говорилось, что они должны вывести армию из республики, после чего мы позволим военным судам выйти в море. Ознакомившись с требованиями, они сказали, что это не требования, а ультиматум. Вы предъявляете ультиматум военному министерству? После того, как мы изложили свои требования, нас привезли обратно. Возвращались мы пешком. Нас везли совсем другой дорогой. Мы увидели, что здесь собралось человек 500—600 детей, взрослых, стариков, все они были русскими по национальности. Контрадмирал спросил: Видите этих людей? Мы ответили, что видим. Но почему вы собрали их сюда? Нам сказали, что вы, мол, уничтожаете их. Поэтому они бежали сюда под нашу защиту. Мы ответили, что никого не уничтожаем, это вы чините расправу.

23-го числа решением нашего штаба нам пришлось пойти в Верховный Совет. Надо было встретиться с Язовым, Примаковым. Вновь в том же составе мы отправились в Верховный Совет. Здесь находились Эльмира Гафарова, Тофиг Исмайлов, Ариф Меликов, шейх уль-ислам хаджи Ахлахшукюр Пашазаде. Из представителей правительства была только Эльмира Гафарова. Мы изложили там свои требования. Нам ответили: Раз вы выдвигаете подобные требования, то посмотрите, к чему это завтра приведет. Это сказал нам командующий флотом. Когда мы вышли оттуда, выяснилось, что они ввели военное положение и на море. Таким образом, республикой руководили мы. Республика находилась в парализованном состоянии. 70 наших работников задержали. Многих пытали.

Ведущий: Ровно пять дней рассвет наступал под стон этих судов. Каждый вечер горизонт окрашивался в цвета этого стона, эти гудки сеяли панику среди кровожадных наемных убийц из империи, вселяли в них тревогу. Эти гудки убивали их. Поэтому для того, чтобы скрыть совершенные ими в городе кровавые преступления и удостовериться в том, что задушили стремление нашего народа к свободе, они во что бы то ни стало пытались подавить, заглушить этот стон судов, звучащий, как обвинение. Однако сломить волю наших моряков, беспокоившихся о том, что происходит на берегу, в городе, было нелегко. Потому, что ненависть к врагу, стремление к свободе были превыше всякого рода устрашений, неравного боя и страха смерти.

Натиг Гумбатов (помощник капитана): Когда произошли события 20 января, мы находились в командировке в Польше. Мы постоянно следили оттуда за событиями. Мы знали, что в Азербайджане происходят такие процессы. Что-то ожидается. Мы поддерживали связь с домом. 20 января в 2 часа ночи узнали, что имперские войска введены в Баку, пролилась кровь невинных людей. Мы подняли на ноги весь экипаж судна. В знак траура приспустили на судне флаг СССР. Работники завода в Польше, ремонтники еще ничего об этом не знали. По телевизору показывали суда «Каспморнефтефлота». Назвали обстрелянное судно «Водолей-4». Мы три дня держали траур, подняли черный флаг. На нас было оказано значительное давление в связи с тем, что мы приспустили государственный флаг. Простые люди были солидарны с нами. Они выражали им свою признательность. Три дня они находились рядом с нами.

Ведущий: Да, в ночь с 19 на 20 января 1990 года введенные в Баку советские воинские части стреляли в мирное население. Была пролита кровь невинных людей, убиты более ста бакинцев. Однако беспощадным руководителям советской империи не удалось силой оружия и крови задушить стремление азербайджанского народа к свободе, независимости. Люди, сердца которых горели любовью к свободе, не отступили перед пулями, артиллерией и танками. Кровавый январь был вписан в нашу историю, как яркая страница борьбы за свободу.

Назакет Афшани (писатель-журналист): Мы не поверили даже пулям, летевшим над нашими головами. Мы считали, что стреляют холостыми патронами. Мы не поверили в то, что советская армия будет стрелять в нас, прольет нашу кровь. Поднявшись на борьбу, народ еще раз доказал руководителям, являвшимся лакеями империи, и самой империи, что подавить его голос невозможно. Когда народ сплочен, заставить его замолчать невозможно. Народ хотел быть свободным и жертвовал собой для достижения свободы. Эти жертвы не напугали народ и после трагедии 20 января. Сегодня у нас есть священное место святыни — Шехидляр хиябаны.

Ведущий: Шехидляр хиябаны. Сегодня это — священное место, куда все мы приходим в скорби и вместе с тем с безграничной гордостью. Это место нашей святыни. Это — самая славная страница освободительной борьбы нашего народа. Здесь живет история, которая приносит нам славу. История, которая превратилась в памятник, стала вечной, мы всегда можем видеть ее. Наши шехиды покоятся на самом высоком месте родного Баку. Все их идеи и помыслы были связаны со стремлением к вершине.

Нет для человека ничего дороже свободы, выше ее. Они стали шехидами именно на этом пути. Наш священный долг — беречь это возвышенное. Сегодня укрепление независимого Азербайджанского государства — это тоже почтение памяти шехидов Азербайджана, шагнувшего из тьмы той ночи в светлое утро.

АзерТАДж.